Книгоиздательство
„Сѣверная Русь".

П. Л. Лавровъ.

Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма.

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

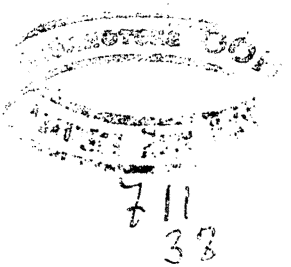
П. Л. Лавровъ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма.

Книгоиздательство
„Сѣверная Русь“.

С.-Петербургъ.
1906.



711
38

Типо-литографія Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 7 рота, 20.

Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма.

Пока отъ исторіи требовали только описаній событій данной эпохи, до тѣхъ поръ изложеніе событій, сдѣланное ихъ современникомъ, въ особенности же ихъ участникомъ, могло считаться лучшею исторіей эпохи. Съ тѣхъ поръ какъ отъ этой отрасли работъ человѣческой мысли стали требовать удовлетворенія научной задачи, именно задачи пониманія эпохи въ ея характеристическихъ чертахъ, въ ея зависимости отъ прошедшаго и въ ея роли для подготовленія будущаго, всякій современникъ или участникъ историческаго движенія можетъ доставить лишь небольшую долю матеріала для исторіи своего времени. Именно участіе въ борьбѣ и въ страданіяхъ, въ неудачахъ и въ торжествахъ своего времени мѣшаетъ человѣку весьма часто знать и фактическій объемъ того или другого историческаго движенія и его истинный смыслъ въ общей совокупности явленій даннаго періода. Личныя впечатлѣнія искажаютъ для него перспективу крупныхъ и мелкихъ событій, около него совершающихся. Личныя убѣжденія, или даже личныя симпатіи и антипатіи, опредѣляютъ его оцѣнку при самомъ искреннемъ желаніи безпристрастія. Послѣдующіе періоды, выработавъ лучшее пониманіе личныхъ и общественныхъ потребностей человѣка, обладая болѣе полнымъ и разностороннимъ матеріаломъ фактовъ для прошлой эпохи, всегда будутъ имѣть возможность болѣе приблизиться къ настоящему историческому ея пониманію, чѣмъ ея современники.

Но лишь ея современники могутъ доставить послѣдующимъ историкамъ матеріалъ для этого историческаго пониманія. Одни доставляютъ для этого фактическій матеріалъ событій, ими видѣнныхъ и пережитыхъ, фактическій матеріалъ извѣстій и слуховъ, документовъ и легендъ, который волновалъ около нихъ общество. Другіе сообщаютъ продукты мысли, выросшіе изъ этого фактическаго матеріала, передаютъ настроенія общества, формы, въ ко-

торыхъ искусство воплотило характеристическія черты современности, наконецъ, попытки научно и философски понять совершающіяся событія въ ихъ совокупности и перспективѣ, въ ихъ зависимости отъ прошлаго, въ ихъ требованіи отъ будущаго. Для позднѣйшаго историка это отраженіе фактовъ въ мысли ихъ современниковъ представляетъ не менѣе важный, не менѣе интересный матеріалъ исторіи, какъ и самые факты, составляющіе ея содержаніе.

Послѣдующія страницы суть не болѣе, какъ вкладъ въ матеріалъ послѣдняго рода по отношенію къ русскому соціально-революціонному движенію послѣднихъ лѣтъ. Пишущій это нисколько не претендуетъ на безпристрастное и безстрастное отношеніе къ событіямъ, которыя волновали его столько же, какъ всѣхъ его современниковъ, не относившихся индифферентно къ страданіямъ и волненіямъ нашего времени; онъ только надѣется, что будущій историкъ оправдаетъ его симпатіи и его ненависти, подтвердитъ новыми фактами, теперь неизвѣстными, его оцѣнку людей и событій. Пишущій это знаетъ, что для него неизбѣжны ошибки и въ точной перспективѣ оцѣниваемыхъ событій, и въ точномъ пониманіи ихъ историческаго смысла, который разгадаютъ лишь наши потомки; онъ только стремится къ наиболѣе вѣрному взгляду на эти событія, возможному для современника, и къ такому пониманію ихъ, въ которомъ послѣдующій историкъ призналъ бы наибольшее приближеніе къ исторической истинѣ, возможное для нашего времени.

Въ русскомъ соціально-революціонномъ движеніи представляется комбинація двухъ основныхъ элементовъ: борьба господствующихъ общественныхъ классовъ съ полицейскимъ самодержавнымъ государствомъ за политическія права личности комбинировалась съ борьбою передовой интеллигенціи противъ капитала за экономическія права рабочаго. Оба эти элемента были неизбѣжнымъ продуктомъ исторіи и видоизмѣнялись еще частными условіями среды, въ которой должно было развиться это движеніе.

Общій ходъ новой европейской исторіи охватилъ всѣ славянскіе народы наравнѣ съ германскими, кельтическими; всѣ главныя теченія этой исторіи неизбѣжно отражались на всѣхъ этихъ племенахъ; но смотря по условіямъ, при которыхъ каждое главное теченіе заставало то или другое племя, тотъ или другой народъ, послѣдній участвовалъ въ этомъ теченіи съ большей или

меньшей энергіей, былъ захваченъ имъ болѣе или менѣе поздно, игралъ въ немъ болѣе или менѣе значительную роль.

Черезъ всю новую европейскую исторію проходитъ борьба, начавшаяся еще въ древнемъ мірѣ, между старинною національною раздѣльностью и солидарностью доли человѣчества, охваченной одной общей цивилизаціей. Путемъ войнъ, экономическихъ сношеній, заимствованія вѣрованій и міросозерцаній долго смѣшивались, разрушались и возникали новыя націи, пытаясь обособиться языкомъ, обычаемъ, преданіемъ, культурою, стараясь скрѣпиться изнутри, враждебно оградиться одна отъ другой извнѣ. Въ то же время развитіе экономическихъ потребностей умножало сношеніе между враждебными націями и вызывало безсознательно въ наиболѣе развитыхъ личностяхъ работу мысли, выходящую изъ предѣловъ національности. Конечно, для массъ была недоступна космополитическая община греческихъ мудрецовъ, которые даже въ первоначальную свою легенду включили скифа Анахарсиса. Объединеніе націй подъ желѣзнымъ уровнемъ одинаковыхъ для всѣхъ правъ подданныхъ римской имперіи могло быть куплено лишь цѣною потери всякой жизни въ подчиненныхъ обществахъ, и римская имперія распалась. Религіозное единство христіанской церкви явилось, повидимому, болѣе сильнымъ соединяющимъ элементомъ. Единство обряда, магическихъ пріемовъ культа, легендъ и миѳовъ давало почву для солидарности массъ; единство языка въ богослуженіи, въ школахъ, во всей серьезной литературѣ давало почву для общаго критическаго развитія мысли въ многочисленныхъ націяхъ, почву для солидарности интеллигенціи. Новая Европа начинала развиваться, какъ нѣчто единое, на общихъ основахъ экономическаго быта съ подавленнымъ крестьянствомъ, съ растущей силой городской, ремесленной и торговой общины и съ господствующими рантьерами феодализма, у которыхъ незамѣтно исчезали всѣ основы ихъ господства, экономическія—вслѣдствіе роста значенія движимаго капитала, политическія—вслѣдствіе роста значенія коронныхъ чиновниковъ и юристовъ, прославлявшихъ „писанный разумъ“ кодексовъ имперіи цезарей. Новая Европа развивалась, какъ нѣчто единое и на общихъ основахъ латинской схоластической литературы, укрѣплявшей опять-таки растущую силу городовъ, гдѣ вырабатывались и группировались историки, юристы, врачи, алхимики, астрологи, изъ которыхъ должна была развиться будущая европейская мысль.

Это объединяющее вліяніе христіанства, подготовлявшее новую цивилизацію, видоизмѣнилось на почвѣ нашего отечества въ зна-

чительной мѣрѣ. Старинная національная раздѣльность обнаружила здѣсь свое вліяніе несравненно болѣе, чѣмъ солидарность вѣрованій. Противоположеніе православія католицизму, отсутствіе въ богослуженіи и школахъ языка, общаго другимъ европейскимъ народамъ, имѣло слѣдствіемъ крайне слабое участіе русскаго народа въ экономической, политической и умственной жизни средневѣковой западной Европы. Какъ дальнѣйшее слѣдствіе подъ вліяніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ, жизнь русскаго общества представила особенности, которыя повліяли на всю послѣдующую исторію нашей родины, повліяли и на тѣ формы, которыя приняла въ ней соціально-революціонная борьба въ послѣдніе годы.

Религіозный элементъ въ оффиціальной церкви, игравшій такую огромную роль на западѣ, какъ начало, объединяющее европейскую средневѣковую цивилизацію, какъ сила, противодѣйствующая правительствамъ отдѣльныхъ націй и потому фатально стремившаяся развить въ себѣ оружіе мышленія, знанія и критики, не имѣлъ въ православномъ мірѣ вовсе этого значенія. Духовенство православное осталось невѣжественнымъ среди невѣжественнаго общества, осталось пассивнымъ орудіемъ мѣстной власти и даже не содѣйствовало объединенію славянскихъ православныхъ народовъ въ одну общую цивилизацію; поэтому настоящая религіозная жизнь проявилась въ русскомъ народѣ лишь въ различныхъ сектахъ, какъ оппозиція существующему порядку; мышленіе, знаніе и критика могли развиться лишь впослѣдствіи, на почвѣ свѣтскихъ жизненныхъ вопросовъ и свѣтской науки. Россія не могла дать ни одного замѣчательнаго мыслителя, солидарнаго съ духовенствомъ и съ религіей: всѣ умственныя силы ея, вырабатываясь, становились фатально антиклерикальными, и клерикализмъ не могъ никакъ сдѣлаться на нашей родинѣ общественной силой съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ и съ опредѣленной организаціей, силою, съ которою приходилось бы считаться прогрессивнымъ партіямъ, какъ это приходится дѣлать до сихъ поръ на западѣ Европы.

На почвѣ Россіи не выработалось ни феодализма, какъ политической силы, противоположной центральному правительству, ни городовъ, способныхъ сдѣлаться центрами экономической, политической и умственной жизни, ни сословія законниковъ, которые, обрабатывая, подобно своимъ западнымъ собратьямъ, юридическія теоріи, какъ орудіе центральной власти противъ феодаловъ, безсознательно подготовили бы съ одной стороны теорію правового государства, которая должна была явиться впослѣдствіи орудіемъ, направленнымъ противъ центральной власти, съ дру-

гой—то идолопоклонство предъ легальностью, которое такъ стѣсняло и стѣсняетъ прогрессивныя партіи запада въ минуты, когда историческій прогрессъ требуетъ орудія революціи. Результаты этихъ отличій русской исторіи были многочисленны и очень важны. Прежде всего крестьянство русское сохранило гораздо болѣе первобытную традицію общиннаго землевладѣнія, чѣмъ на западѣ Европы, и изъ всѣхъ разрушительныхъ вліяній на русскую земледѣльческую общину сильно было лишь одно: правительственное вліяніе, стремившееся обратить общину въ фискальный органъ администраціи. Традиція общиннаго землевладѣнія была такъ могуча и продолжительна на нашей родинѣ, что даже въ отросляхъ русскаго народа, гдѣ историческія обстоятельства выработали довольно значительныя особенности культуры и языка и заставили исчезнуть почти всюду эту форму землевладѣнія — именно въ Украйнѣ — новыя изслѣдованія (проф. Лучинскаго) доказали, что населеніе еще въ XVIII вѣкѣ стремилось къ ней при удобныхъ обстоятельствахъ. Вслѣдствіе паденія русскихъ городовъ, какъ первобытныхъ политическихъ и центральныхъ общинъ (народоправствъ), и вслѣдствіе неразвитія ихъ позже, какъ центровъ новаго класса, организующагося въ экономическую, умственную, а впослѣдствіи и политическую силу (подобно западно-европейской буржуазіи), русское крестьянство сохранило въ себѣ и неравненно болѣе живыхъ силъ, а потому и элементовъ самостоятельной организаціи, чѣмъ крестьянство западное, такъ какъ города не высасывали изъ него, какъ на западѣ, всѣхъ наиболѣе энергическихъ и развитыхъ личностей, но оставались лишь мѣстами временныхъ заработковъ и центральными рынками. Съ другой стороны, господствующій классъ землевладѣльцевъ остался служилымъ сословіемъ въ государствѣ, и взглядъ на его земли, какъ на оплату извѣстной государственной службы, сохранился вообще въ государствѣ до самаго преобразованія московскаго царства въ петербургскую имперію, а въ народѣ сохранился до сихъ поръ. Представленіе о частной собственности на землю не имѣло никакой почвы для того, чтобы войти въ привычку мысли, и до нашего времени для русскаго крестьянина не представляетъ ничего не только невозможнаго, но и страннаго мысль, что всѣ земли могутъ перейти въ руки крестьянъ земледѣльцевъ, за службу же государственную (или цареву), служилые люди (дворяне, помѣщики) будутъ вознаграждены прямо инымъ путемъ, а не поземельными помѣстьями. Въ томъ же направленіи вліяло на общественныя привычки мысли и жизни и отсутствіе фетишизма легальности.

Конечно это отсутствіе способствовало развитію и фактическаго деспотизма царей и императоровъ и выработкѣ въ народѣ идеала царя, который все можетъ, все дѣлаетъ и сдѣлалъ бы все хорошее, если бы только не мѣшали ему его служилые люди; оно способствовало самоуправству чиновниковъ, всеобщей непрочности имущества и личности, страшнымъ притѣсненіямъ и грабежамъ со стороны чиновничества. Но въ то же время оно имѣло слѣдствіемъ, во-первыхъ, невозможность выработки на русской почвѣ чего-либо, подобнаго европейской буржуазіи, съ сильными и блестящими политическими традиціями, съ легально обезпеченными формами развитія богатства на счетъ подчиненныхъ классовъ. Въ средневѣковой Руси личности и группы, соотвѣтствующія этому классу, не имѣли возможности отстоять себя противъ хищничества даже самаго мелкаго члена администраціи, противъ произвола даже самаго жалкаго сыщика тайныхъ канцелярій. Между крестьянствомъ и царемъ съ его администраціей могли стоять лично-богатые, лично-вліятельные, лично-развитые люди, могли въ царской администраціи быть добросовѣстныя и честныя личности. Но, какъ политическій классъ, какъ организованная общественная группа, владѣльцы поземельныхъ имуществъ или торговыхъ и промышленныхъ капиталовъ были невозможны, а типъ добросовѣстнаго чиновника, строгаго хранителя законовъ, былъ немыслимъ.

Законъ въ глазахъ русскаго никогда не сталъ на ступень „писаннаго разума“, не сдѣлался святынею потому только, что онъ—законъ: въ представленіи большинства онъ остался измѣняющимся распоряженіемъ, долженствующимъ теоретически имѣть въ виду общественное благо, а потому способнымъ измѣнить и формы собственности, и формы семейной жизни, и самыя основныя положенія государственныхъ отношеній въ виду этого блага; но практически этотъ законъ оставался распоряженіемъ, соотвѣтствующимъ мгновенному произволу правительства. Въ законѣ русскій всѣхъ классовъ и сословій видѣлъ только произволъ; на царскаго чиновника смотрѣлъ, какъ на врага; въ общественныхъ формахъ никто не находилъ для себя обезпеченія ни личнаго, ни имущественнаго. Чѣмъ болѣе вся политическая жизнь концентрировалась въ царѣ и его приближенныхъ людяхъ, тѣмъ фатальнѣе было, при развитіи общественныхъ требованій, наступленіе момента, когда эта власть, поглотившая все, оказалась бы явно безсильной для государственнаго блага, а затѣмъ сдѣлалась бы предметомъ ненависти всего мыслящаго слоя русскаго общества.

Московская Русь еще около полутора столѣтія жила особен-

ною жизнью, когда въ исторіи Западной Европы обнаружилось новое теченіе, охарактеризовавшее новую европейскую цивилизацію. Религія оказалась безсильною для установленія солидарности въ новой Европѣ; она сама приняла формы сперва національныхъ исповѣданій, потомъ многочисленныхъ сектъ.

Формальнымъ объединяющимъ элементомъ для частныхъ территорій явились правительства полицейскихъ государствъ. Но при возрастаніи торговыхъ сношеній, а впослѣдствіи промышленной техники, при преобладаніи движимаго капитала надъ поземельнымъ и при экономической жизни, охватившей всѣ части свѣта, территоріальныя границы могли имѣть весьма небольшое значеніе.

Хотя латинскій языкъ пересталъ быть языкомъ всего цивилизованнаго общества и на нѣсколькихъ главныхъ нарѣчіяхъ возникли блестящія литературы, но выработанное въ средніе вѣка единство въ области мышленія не могло уже быть устранено; свѣтская наука, въ которой сектаторское раздѣленіе не мыслимо, доставила, начиная съ конца XVI вѣка, болѣе прочное единство теоретической мысли цивилизованной Европы, чѣмъ могъ когда-либо доставить ей религіозный догматъ или религіозный миѳъ: возникшія литературныя направленія и философскія системы охватывали всѣ западныя національности. Политическая теорія правового государства, раздѣленія власти, самодержавія народа, контроля надъ правительствами противопоставляли теоріямъ легитимности, божественнаго права государей и династій новые государственные идеалы.

На этой почвѣ новаго экономическаго значенія движимаго капитала, опираясь на вошедшія въ ея составъ группы свѣтскихъ ученыхъ, литераторовъ и юристовъ, опираясь на новыя политическія теоріи, росла и организовалась европейская буржуазія, какъ сила не только экономическая, но и какъ сила умственная и политическая, обладавшая всѣми необходимыми средствами, чтобы замѣнить господствующій классъ феодальныхъ рантьеровъ и сдѣлать своимъ орудіемъ полицейское государство. Средневѣковое противоположеніе сословій замѣнялось все болѣе противоположеніемъ двухъ экономическихъ классовъ, изъ которыхъ одинъ, какъ обладатель капитала, по тому самому фатально монополизировалъ политическое вліяніе и умственное развитіе, другой же все болѣе терялъ обладаніе орудіями труда, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ средства отстоять себя политически и развиваться умственно.

Къ тому времени, когда Петръ I ввелъ окончательно Россію въ систему политическаго и умственнаго взаимодѣйствія евро-

пейскаго общества, господство феодальныхъ рантьеровъ на Западѣ было уже потрясено во всѣхъ отношеніяхъ, и растущей буржуазіи запада Европы оставалось лишь въ дѣйствительности овладѣть механизмомъ полицейскаго государства. Когда декабристы 1825 года впервые развернули на улицахъ Петербурга знамя правъ народа противъ произвола полицейскаго самодержавія, западная Европа была уже наканунѣ окончательнаго торжества буржуазіи, которая, побѣдивъ всѣхъ своихъ соперниковъ, должна была встать лицомъ къ лицу съ рабочимъ пролетаріатомъ.

Петербургская императорская Россія не представляла элементовъ для подобной опредѣленной борьбы классовъ. Въ ней отсутствовала та городская жизнь, которая на Западѣ дала живые центры для развитія экономической, умственной и политической силы буржуазіи съ вѣковою блестящею традиціею борьбы, побѣдъ и пораженій. Изъ служиваго сословія вырабатывались въ московскій періодъ Романовыхъ боровшіяся на земскихъ соборахъ партіи крупнаго и мелкаго землевладѣнія, и послѣднимъ проявленіемъ этой борьбы явилось утвержденіе императорскаго самодержавія при воцареніи Анны Ивановны. Съ Петра I это московское служивое сословіе преобразилось въ чиновничество по внѣшнему европейскому образцу, но безъ европейскаго содержанія, такъ какъ, за отсутствіемъ въ Россіи вѣковой борьбы администраціи съ феодализмомъ и съ буржуазіей, русское служилое сословіе ни въ московскій, ни въ петербургскій періодъ не выработало въ себѣ лойялизма, искренней преданности правительству; развило фатально, какъ единственный обладатель недвижимаго и главный обладатель движимаго капитала въ Россіи, интересы, противные интересамъ полицейскаго самодержавія, и столь же фатально воспитывало въ себѣ, вслѣдствіе болѣе непосредственнаго сношенія съ Европой, всѣ оппозиціонные элементы противъ полицейскаго государства, которые составляли умственную атмосферу Запада, и какъ старая реакціонная традиція феодализма, и какъ новая либеральная теорія буржуазіи.

Для русскаго крестьянства этотъ служилый классъ московскаго царства и Петербургскаго императорства все рѣшительнѣе закрывался съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи. Крестьянство было все болѣе закрѣпощено и, при отсутствіи возможности политическаго развитія, принуждено было все тщательнѣе охранять въ себѣ традиціи сельскаго міра и сельской громады, традиціи артельной солидарности, какъ единственное средство отстоять, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, свое экономическое благосостояніе. Оно все болѣе отдѣлялось отъ господствующаго класса не только эко-

номическими интересами, не только легальнымъ безправіемъ, но и самыми формами культуры; все болѣе смѣшивало въ одной ненависти къ барамъ и старые слои дворянства — служилыхъ людей Москвы, и новый слой чиновничества — служилыхъ людей Петербурга. Начиная со смутнаго времени самозванцевъ, современнаго первой эпохи новой европейской цивилизаціи, русское крестьянство не переставало при каждомъ удобномъ случаѣ фактически протестовать противъ растущаго давленія служилаго класса землевладѣльцевъ, чиновниковъ и оффиціальнаго духовенства, никогда не имѣвшаго ни религіознаго, ни нравственнаго вліянія и, наконецъ, обратившагося въ особый разрядъ служилыхъ людей. Крестьянство опиралось при этомъ на казацкіе круги Разина и на свободную церковь раскола. Отъ Петра I до Екатерины II не прекращался рядъ крестьянскихъ возстаній противъ монастырей, помѣщиковъ, чиновниковъ. Съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго казачества совпалъ взрывъ Пугачевщины, который разлился по цѣлой трети имперіи и одно время угрожалъ самой Москвѣ. Войска полицейскаго государства раздавили эту послѣднюю попытку, которая не могла уже впослѣдствіи возобновиться въ подобныхъ размѣрахъ вслѣдствіе усовершенствованія средствъ администраціи и полиціи и улучшенія сообщеній для передвиженія войскъ. Въ то же время пріятельница Вольтера и гросмейстеръ ордена мальтійскихъ рыцарей закрѣпощала новые милліоны крестьянства. Крестьянство продолжало протестовать лишь фактами аграрнаго террора и размноженія сектъ. Оно было и оставалось единственнымъ сословіемъ въ государствѣ, сохранившимъ традицію элементарной мѣстной организаціи общины, громады, міра, артели, но эта организація обращалась все болѣе въ фискальное средство, въ орудіе деморализаціи массъ, она все суживалась и атрофировалась. Само собою крестьянство не было въ состояніи скрѣпиться, какъ политическое тѣло въ одну обширную національную или хотя бы областную организацію. Правительству русскому даже не приходило на мысль, что оно можетъ пріобрѣсти прочность, лишь развивъ подобную организацію. Необходимо было, чтобы въ русскомъ обществѣ гдѣ бы то ни было развился элементъ, способный внести организаціонную силу въ русскій народъ.

Этотъ элементъ сталъ понемногу выдѣляться изъ новаго служилаго сословія Россійской имперіи.

На западѣ Европы буржуазія организовалась, какъ союзъ интеллигенціи страны съ владѣльцами движимаго капитала, сперва противъ феодальныхъ рантьеровъ въ коалиціи съ коронною админи-

страціею, потомъ противъ этой самой администраціи, при чемъ юристы составляли промежуточную почву, сначала тождественную по интересамъ съ органами центральнаго правительства, потомъ соперничающую съ послѣднимъ и окончательно перешедшую въ составъ буржуазіи, какъ элементъ ея интеллигенціи и какъ главный разсадникъ ея политическихъ людей. Въ Россіи служилый классъ былъ какъ почвою развитія класса обладателей земли и большей доли движимаго капитала, такъ и единственною почвою, на которой могли развиться интеллигентныя группы, между тѣмъ какъ служба составляла его легальную обязанность, его общественную традицію, его главное средство вліянія и обогащенія. Той долѣ его, которая дифференцировалась, какъ собственно интеллигенція, выпала въ русской исторіи роль, близкая къ той, которую играли юристы въ Западной Европѣ.

Сначала солидарная съ тенденціями правительства, пока дѣло шло объ общечеловѣческихъ европейскихъ началахъ въ противоположность старинной московской рутинѣ, русская интеллигенція временъ Петра и Елизаветы,—т. е. люди литературы и науки, Кантеміры, Сумароковы, Ломоносовы,—орудіемъ сатиры, оды, псевдо-классической трагедіи, ученой диссертаціи поражаютъ оппозицію правительства и возвеличиваютъ начала, поддерживаемыя правительствомъ. При Екатеринѣ II старый московскій міръ окончательно побѣжденъ, и впервые интеллигенція вы ступаетъ безсознательно и сознательно, какъ сила оппозиціонная правительству, во имя тѣхъ самыхъ идей Европы, которыя недавно служили для поддержки правительства. Буржуазія Запада начинаетъ войну противъ полицейскаго государства, начинаетъ говорить о правахъ народа и Новиковы, Радищевы идутъ въ тюрьмы и въ изгнаніе, и даже Державинъ обращаетъ къ „Властителямъ и Судіямъ“ строфы, въ которыхъ, вполнѣ безсознательно для пѣвца Фелицы, чувствуется дыханіе революціи. Время Павла и Александра I было эпохою, когда оппозиція правительству вошла окончательно въ традицію русской интеллигенціи, по крайней мѣрѣ для всѣхъ представителей ея, имѣвшихъ какое бы то ни было вліяніе на общественную мысль.

Полупомѣшанный Павелъ, его серьезная игра въ солдаты и его гоненія всѣхъ екатерининскихъ традицій, фактъ цареубійства 1801 г., либерализмъ первыхъ годовъ Александра I, умноженіе сношеній съ Европою и распространеніе европейской литературы въ Россіи въ его царствованіе, грубый деспотизмъ Аракчеева въ послѣдніе годы, гоненіе на университеты, характеризованное именами Магницкаго и Рунича,—все это укрѣпляло оппозиціонную

традицію русской интеллигенціи. Она выросла, какъ сила нравственная, надъ господствующимъ классомъ, который далъ ей начало, надъ классомъ чиновниковъ, вполнѣ индифферентныхъ къ интересамъ правительства, которому они служили, и владѣльцевъ земли и движимыхъ капиталовъ, не имѣющихъ никакой организаціи, никакой политической жизни, никакихъ традицій. Когда декабристы захотѣли повторить для Россіи роль испанскихъ и итальянскихъ революціонеровъ, фактъ показалъ, что въ господствующемъ классѣ совершенно не достаетъ организаціи, чтобы поддержать представителей передовой политической мысли въ ихъ попыткѣ дать политическое вліяніе экономически господствующему классу. Фактъ показалъ и то, что между интеллигентными борцами за политическія права и рабочимъ русскимъ человѣкомъ, большею частью крестьяниномъ и крѣпостнымъ, лежала цѣлая пропасть, которая дѣлала невозможнымъ, чтобы, подъ предводительствомъ интеллигенціи, русскій крестьянинъ осаждалъ Бастиліи или повторялъ іюльскіе дни, какъ городской рабочій Парижа въ 1789 и 1830 г.г. Декабристы пошли на висѣлицу и въ ссылку, завѣщая русской интеллигенціи обязанность ненавидѣть, подрывать и ниспровергнуть самодержавіе.

Для этого необходимо было организовать оппозиціонныя силы и уничтожить ту пропасть, которую воздвигали между интеллигенціей и массами закрѣпощеніе половины населенія и различіе формъ культуры. Эта инстинктивная потребность проявилась въ нѣкоторой долѣ сознательно, но большею частью безсознательно, во всѣхъ новыхъ стремленіяхъ литературы. Славянофилы и западники были одинаково враждебны самодержавію. Славянофилы и западники одинаково начали борьбу противъ незнанія народа и закрѣпощенія его. Подъ самымъ грознымъ ярмомъ цензуры росла литература Антона Горемыки, Хорей и Калинычей, какъ воплощеніе симпатій къ народу, какъ призывъ къ сближенію съ нимъ. Новооткрытая русская земледѣльческая община, которую проглядѣли всѣ прежніе изслѣдователи, несмотря на ея давность, восходившую къ доисторическимъ временамъ, вызвала живую полемику въ сферѣ ученыхъ работъ, живой интересъ къ формамъ народнаго быта и сблизила съ этимъ бытомъ кабинетную мысль ученыхъ, отправившихся „въ народъ“ за новымъ матеріаломъ для воихъ диссертацій.

Но организоваться въ нѣчто единое не могла эта сознательно и безсознательно растущая оппозиціонная интеллигенція, и не могла не только потому, что жандармы Николая зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ антиправительственнаго духа, а потому что въ ней самой былъ разладъ.

Славянофилы думали найти въ русскомъ клерикализмѣ и въ московскихъ событіяхъ силу для организаціи и борьбы съ петербургскимъ самодержавіемъ, силу, которой русскій клерикализмъ никогда не имѣлъ и которую московскія традиціи дать не могли уже и потому, что московскій строй совершенно естественно перешелъ въ петербургскій, какъ только на очередь сталъ вопросъ о построеніи полицейскаго государства. Одна доля западниковъ хранила свято традицію декабристовъ—ненависть къ самодержавію, и надѣялась повторить процессъ борьбы 1789, 1830 и 1848 г.г. для замѣны полицейскаго государства правовымъ. Но другая доля западниковъ сознавала, что съ 1789 г. исторія пошла впередъ и общественныя задачи были поставлены уже нѣсколько иначе.

Господство буржуазіи имѣло свои фатальныя слѣдствія на западѣ Европы. Въ ея заводскихъ округахъ и на ея фабрикахъ группировался все больше, вслѣдствіе техническихъ успѣховъ производства, пролетаріатъ, лишенный всѣхъ орудій производства, вынося на рынокъ свои руки, понижая фатально свой заработокъ до минимума по желѣзному закону конкуренціи и оставаясь все болѣе злобнымъ свидѣтелемъ комфорта и роскоши, которую его трудъ доставлялъ владѣльцамъ капитала, все болѣе концентрировавшагося въ рукахъ небольшого меньшинства. Безвыходное экономическое положеніе пролетаріата дѣлало изъ него неизбѣжно удобный матеріалъ всѣхъ революцій. Въ экономическихъ отношеніяхъ труда и умственныхъ силъ къ капиталу не особенно трудно было разглядѣть источникъ всѣхъ общественныхъ процессовъ. Въ экономическихъ условіяхъ жизни общества признали господствующаго двигателя исторіи. Соціализмъ, какъ требованіе перестройки общества, на основаніи радикальнаго измѣненія экономическихъ отношеній, выступилъ на сцену исторіи въ ученіи знаменитыхъ утопистовъ Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна, обѣщая охранить міръ отъ революцій, установить всеобщую гармонію и удовлетворить одинаково требованія капитала и труда. Онъ смѣло обращался къ сильнымъ міра, къ владѣльцамъ капитала для осуществленія своихъ плановъ. Но эта иллюзія длилась недолго. Послѣ ряда попытокъ связать соціалистическое движеніе съ обновленіемъ христіанства, наступило возрожденіе традиціи революціоннаго соціализма Бабэфа, и совершилъ свое дѣло рѣзкій анализъ критическаго соціализма Прудона, гораздо болѣе сдѣлавшаго для разрушенія разныхъ общественныхъ иллюзій, чѣмъ для указанія соціалистамъ раціональнаго пути дѣятельности. Къ концу первой половины девятнадцатаго столѣтія надъ пролетаріатомъ грянули уже слова „Манифеста Коммунистовъ“: „пролетаріи

всѣхъ странъ соединяйтесь"! а іюньскіе дни покончили для всѣхъ внимательныхъ наблюдателей съ мечтою гармоніи между капиталомъ и трудомъ. Соціализмъ второй половины девятнадцатаго вѣка могъ быть только соціализмомъ революціоннымъ, организаціею рабочаго класса въ политическую силу, имѣющую въ виду сломить экономическую и государственную организацію капиталистической буржуазіи.

Для передовыхъ русскихъ умовъ 40-хъ годовъ эта новая задача представлялась въ различной степени смѣшенія съ задачей русскаго либерализма, унаслѣдованной отъ декабристовъ: ненавидѣть, подорвать и разрушить самодержавіе—задачей, которая въ продолженіе удушливаго каприльства Николая выступила еще съ большею настоятельностью, чѣмъ подъ конецъ царствованія Александра I. Большинство русскихъ либераловъ закрывало глаза на новое теченіе исторіи, восхищалось Тьерами, Кавурами, Росселями, и мечтало только о „конституціи", сознавая, впрочемъ, что уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній составляетъ необходимое условіе для всякаго политическаго „правового порядка". Но уже въ 40-хъ годахъ основныя задачи новаго теченія были поняты и ярко поставлены человѣкомъ, громадный, блестящій и симпатичный литературный талантъ котораго придавалъ ему преобладающее вліяніе на русскую мысль, а въ 50-хъ годахъ эти задачи могли уже опираться на станокъ „вольной русской типографіи" за границею.

Привычки жизни и аффекты связывали еще Герцена съ старымъ міромъ политическаго радикализма, но мыслью онъ понималъ, что „дряхлыя основы общественности" должны быть „разрушены", что „религія грядущаго пересозданія" — именно соціализмъ — „отрицаетъ полнѣйшимъ образомъ весь старый порядокъ съ его правомъ и представительствомъ, съ его церковью и судомъ, съ его гражданскимъ и уголовнымъ кодексомъ"; что именно „врагъ по праву существующаго гражданскаго порядка — пролетарій, работникъ" долженъ „осуществить завѣщаніе" стараго міра и „начать новый кругъ событій". Герценъ страдалъ о старомъ мірѣ, который его выработалъ, съ которымъ онъ былъ связанъ тысячами нитей, но когда ему явилась надобность характеризовать себя одною формулою въ своемъ противоположеніи русскому императорству, этому „продолжающемуся преступленію", онъ не задумался характеризовать себя, какъ „неисправимаго соціалиста". Задача экономическаго переворота была поставлена для Россіи, какъ нераздѣльная отъ обязанности ненавидѣть, подорвать и свалить императорское самодержавіе. Задавленная въ зародышѣ, сла-

бая сама по себѣ, но раздутая жандармской полиціей до крайнихъ предѣловъ, попытка Петрашевцевъ была окрашена чисто-соціалистическими стремленіями, хотя этотъ соціализмъ былъ еще, повидимому, близокъ къ утопіямъ начала XIX вѣка.

Въ 50-хъ годахъ еще другая литературная сила сдѣлалась центромъ движенія мысли въ Россіи, движенія еще болѣе значительнаго, потому что болѣе опредѣленнаго и болѣе рѣзко обозначившаго, чѣмъ это сдѣлалъ Герценъ, отличіе новаго движенія отъ европейскаго политическаго либерализма. Громкія формулы, великія имена, великія эпохи этого либерализма подвергались неумолимой и насмѣшливой критикѣ „Современника“, и въ требованіи провѣрить дѣйствительное содержаніе фетишей этого либерализма, въ требованіи безжалостно осмѣять и развѣять по вѣтру всю фальшь и все лицемѣріе этихъ фетишей, въ требованіи мыслить, дѣйствовать и жить согласно лишь тому, что окажется дѣйствительно осмысленнымъ и существеннымъ, выросталъ русскій „нигилизмъ“ съ его грубыми формами отрицанія, въ которыхъ близорукіе наблюдатели (а частью и сторонники) не умѣли разглядѣть самаго фанатическаго утвержденія новыхъ началъ, съ его матеріалистическимъ обожаніемъ вещества, не мѣшавшемъ созданію аскетическихъ коммунъ „ячеекъ“ и кружковъ и долженствовавшихъ очень скоро перейти въ самоотверженную борьбу за идеалы лучшаго общественнаго строя.

Подъ неумолимыми ударами холодной критики Чернышевскаго и насмѣшливыми звуками „Свистка“ разлетались призраки либеральныхъ традицій. Русская молодежь университетовъ и гимназій отшатнулась отъ нихъ. Русское революціонное движеніе потеряло возможность пойти по истоптанному пути буржуазной оппозиціи. Либералы политическіе потеряли навсегда возможность стать во главѣ революціоннаго движенія противъ самодержавія.

Первое слѣдствіе этого разлада между славянофилами, либералами и наиболѣе вліятельною группою радикаловъ-соціалистовъ было, повидимому, весьма печальнымъ. Правительство Александра II, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, — повидимому, единогласно возбужденнаго противъ строя, вызвавшаго бѣдствія крымской войны, и противъ крѣпостныхъ отношеній,—едва приступило къ осуществленію отмѣны этихъ отношеній, къ устройству земскаго самоуправленія и болѣе правильныхъ судовъ, какъ почувствовало раздѣленіе въ оппозиціи самодержавію, стало урѣзывать реформы и переходить къ реакціоннымъ мѣрамъ, не встрѣчая при этомъ почти никакого противодѣйствія. Михайловъ и

Чернышевскій пошли на каторгу, и ближайшіе друзья послѣдняго трусили предъ всякою мыслью явно выступить въ его защиту. Польское возстаніе 1863 г. подорвало вліяніе „Колокола“ въ Россіи и придало небывалое значеніе Каткову, сдѣлавшемуся главнымъ представителемъ реакціи. Славянофильство потеряло всякій слѣдъ прежняго оппозиціоннаго характера и стало какъ бы подготовлять въ Россіи почву псевдо-клерикализма, который незадолго передъ тѣмъ казался не только смѣшнымъ, но и невозможнымъ. Надъ русскимъ обществомъ стало все болѣе тяготѣть бремя того тяжелаго сознанія безсилія, которое составляетъ отличительную черту русской литературы и жизни въ послѣдніе двадцать лѣтъ. Беллетристика Рѣшетникова и его преемниковъ стало рѣзче очерчивать безысходныя страданія русскаго народа, чѣмъ когда-либо рѣшалась это дѣлать школа реалистовъ-эстетиковъ предшествующаго поколѣнія. Раздирающія душу стихотворенія Некрасова и все болѣе горькая сатира Щедрина стали единственнымъ вѣрнымъ изображеніемъ общественнаго настроенія. Когда старая традиція ненависти къ императорству въ связи съ новыми задачами революціи соціальной, съ участіемъ крестьянства, дала начало болѣе или менѣе ясно продуманной попыткѣ Каракозовцевъ и привела къ выстрѣлу 4-го апрѣля 1866 года, то за этимъ послѣдовалъ въ публикѣ такой припадокъ раболѣпія и „шпіонской маніи“ (по выраженію Худякова), что консерваторы оказались героями дня. „Современникъ“ и „Русское Слово“ были закрыты безъ малѣйшаго протеста со стороны прессы. Въ ссылку (правда—заграничную) пошелъ даже графъ Андрей Шуваловъ.

Даже романистъ, наиболѣе любимый въ Россіи и наболѣе чуткій къ біеніямъ сердца Россіи, безъ возмущенія со стороны публики, поставилъ въ своемъ „Дымѣ“ рядомъ молодыхъ генераловъ новой реакціи и представителей революціонной оппозиціи самодержавію, какъ элементы, одинаково враждебные „цивилизаціи“.

Но это разстройство въ лагерѣ противниковъ самодержавія показывало только, что необходимая организація этой оппозиціи должна произойти около иного пункта, чѣмъ политическій либерализмъ, и что даже нигилизмъ въ его первоначальной формѣ, самымъ яркимъ представителемъ котораго явился Писаревъ, былъ для новой борьбы не достаточною почвою. Изъ-подъ „Свистка“ стали съ большимъ вниманіемъ разглядывать экономическія требованія примѣчаній къ Милю. Въ „Темномъ Царствѣ“ стали искать элементовъ пропаганды. Перестали отворачиваться отъ требованія, прямо поставленнаго передъ личностью—„бороться за прогрессъ“ и организовать силу для этой борьбы.

Переводъ Лассаля и Маркса далъ и русскимъ революціоннымъ стремленіямъ твердую научную основу рабочаго соціализма: онъ ставилъ совершенно опредѣленную экономическую и политическую задачу, опирался въ своей политикѣ на совершенно опредѣленную почву класса рабочихъ-пролетаріевъ, выработаннаго исторіей, и требовалъ организаціи этого класса во имя совершенно опредѣленныхъ интересовъ. Одновременно съ этимъ стало проникать въ Россію и вліяніе могучаго революціоннаго ума Бакунина, прежняго защитника „разумности всего дѣйствительнаго". Съ тѣхъ поръ онъ участвовалъ въ теоретической революціи гегелизма, какъ въ политической революціи 1848 года и въ польскомъ возстаніи 1863 года, революціонно вліялъ на Прудона въ Парижѣ, на славянъ въ Прагѣ, на русскую молодежь, пріѣзжавшую въ Лондонъ къ Герцену въ началѣ 60-хъ годовъ, какъ впослѣдствіи на Италію и Испанію. Съ его содѣйствіемъ основывались за границею русскія изданія—хотя мало распространенныя въ Россіи („Народное Дѣло")—проникнутыя началами недавно основаннаго Международнаго общества рабочихъ. Онъ вліялъ чарующею силою своей могучей личности на развитіе Интернаціонала, и въ то же время революціонный элементъ его личности побуждалъ его организовать внутри Интернаціонала тайное общество, знаменитый „Альянсъ" и явиться проповѣдникомъ анархизма—гораздо болѣе опредѣленнаго и рѣзкаго, чѣмъ анархизмъ Прудона—при организаціи рабочей революціонной партіи, и содѣйствовать въ нѣкоторой степени попыткѣ Нечаева организовать въ Россіи энергически централизованное революціонное общество, хотя, къ сожалѣнію, эта организація—можетъ быть, безъ вѣдома Бакунина—опиралась на средства, едва-ли достойныя дѣла, которое имѣлось въ виду. Взрывъ Парижской Коммуны 1871 года придалъ Интернаціоналу революціонный характеръ, котораго этотъ союзъ прежде не имѣлъ, повелъ въ немъ къ расколу бакунистовъ—анархистовъ отъ марксистовъ—централистовъ, къ несчастному конгрессу въ Гагѣ и къ смерти стараго Интернаціонала. Этотъ взрывъ вызвалъ и въ революціонныхъ элементахъ русской интеллигенціи опредѣленное движеніе, которое рѣзко выступило въ началѣ 70-хъ годовъ, какъ энергическая сила, на сѣромъ фонѣ унылой и сознающей свое безсиліе русской оппозиціонной интеллигенціи.

Дѣло заключалось въ томъ, чтобы установить теоретическую и практическую программу русской революціонной партіи, программу, которая позволила бы русской оппозиціонной интеллигенціи организоваться, опираясь съ одной стороны, на передовыя

практическія задачи человѣческой мысли, съ другой—на русскій народъ, такъ долго отдѣленный всѣми элементами своей жизни отъ жизни русской интеллигенціи.

Передовою практическою задачею на Западѣ была въ это время организація рабочей партіи на началахъ революціоннаго соціализма съ рѣзкимъ подчеркиваніемъ требованій экономическаго переворота, отъ котораго уже зависѣлъ переворотъ политическій и культурный. На Западѣ элементы этой революціонной организаціи были подготовлены въ городахъ и въ заводскихъ округахъ самымъ развитіемъ индустріи. Они опирались на интеллигенцію, или примкнувшую къ рабочей организаціи, или вышедшую изъ ея рядовъ. Они опирались на традицію науки, которая показала имъ въ клерикализмѣ и въ религіи противника всякаго реальнаго развитія, въ правительствахъ—органы капиталистовъ и буржуазіи, въ либералахъ и радикалахъ буржуазіи—естественныхъ враговъ рабочаго и невозможныхъ для него союзниковъ, въ капиталѣ — продуктъ неоплаченнаго труда рабочаго, въ рабочемъ пролетаріатѣ — неизбѣжнаго наслѣдника капитализма, въ чисто-политическихъ революціяхъ—постоянный обманъ рабочихъ буржуазіей, въ рѣшительномъ переворотѣ, заразъ экономическомъ и политическомъ, произведенномъ усиліями самаго рабочаго класса—единственный возможный прогрессъ исторіи человѣчества. Трудность борьбы на Западѣ заключалась въ томъ, что капиталистическая буржуазія была не только силою экономическою, но еще организованною силою политическою и культурною, съ блестящими либеральными и умственными традиціями, и что ея главная опора, современное государство, заключало въ себѣ администрацію, сознательно связанную интересами съ существующимъ порядкомъ, и потому искренно ему преданную. Трудность заключалась и въ томъ, что рабочій классъ въ огромной своей долѣ незамѣтно переходилъ въ ряды мелкой буржуазіи, былъ связанъ съ буржуазіей рядомъ революціонныхъ традицій и потому съ трудомъ могъ проникаться тѣми результатами общественной науки, которые требовали рѣзкаго противоположенія рабочей партіи всѣмъ буржуазнымъ политическимъ партіямъ, и устанавливали задачей рабочаго соціализма соціальную революцію, неимѣющую ничего общаго со старыми политическими революціями.

Вліяніе Маркса и Лассаля внесло въ организацію нѣмецкихъ рабочихъ сознаніе этихъ требованій болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Они до сихъ поръ во Франціи проникли еще въ очень незначительное меньшинство рабочаго класса и почти совсѣмъ не

усвоены рабочимъ классомъ въ Англіи, гдѣ этотъ классъ организовался наиболѣе сильно.

Въ Россіи и выгоды, и затрудненія борьбы были совсѣмъ иныя. Правительство имѣло оплаченныхъ слугъ и агентовъ, но не имѣло искреннопреданной администраціи. Въ своемъ отсталомъ самодержавіи оно не могло быть прочною опорою обладателей земли и движимыхъ капиталовъ и потому не могло и въ нихъ искать серьезной поддержки въ минуту опасности. Если мало-помалу, естественнымъ путемъ, въ Россіи, какъ на Западѣ, развилось господство движимаго капитала надъ рантьерами-помѣщиками, быстро разорившимися послѣ прекращенія крѣпостныхъ отношеній, то зарождающійся экономическій классъ русской буржуазіи не имѣлъ никакой политической организаціи, никакой политической традиціи, а, по отношенію къ умственному вліянію, вся серьезная русская интеллигенція въ университетахъ, въ прессѣ, въ адвокатурѣ, старалась подчеркнуть свое отсутствіе солидарности съ растущимъ русскимъ капитализмомъ, хотя, само собою разумѣется, въ дѣйствительности капиталъ имѣлъ давно уже вліяніе на адвокатуру, на профессуру, на прессу, и довольно значительная часть органовъ послѣдней были не болѣе какъ промышленными предпріятіями. Во всякомъ случаѣ русскіе обладатели капитала, не составляя политическаго класса и не имѣя на своей сторонѣ вліятельной интеллигенціи, не могли быть ни базисомъ политической оппозиціи противъ правительства въ своихъ интересахъ, ни противовѣсомъ революціонной партіи, которая отыскала бы иной базисъ оппозиціи. Либеральная русская интеллигенція, проникнутая унылымъ сознаніемъ безсилія, не имѣла ни малѣйшей нравственной возможности сдѣлаться этимъ базисомъ, но готова была сочувственно, хотя и трусливо, отнестись ко всякой попыткѣ потрясти и низвергнуть ненавистное ей самодержавіе, такъ какъ всѣ шансы были за то, что всякій политическій переворотъ совершится въ пользу ея — трусливой и унылой русской интеллигенціи. Процессъ Нечаевцевъ вполнѣ ясно показалъ, что никакая революціонная партія не встрѣтитъ серьезнаго противодѣйствія ни въ большинствѣ членовъ администраціи, ни въ либеральной интиллигенціи литераторовъ, профессоровъ, адвокатовъ. Первымъ было все равно, какая будетъ форма правленія, которая ихъ оплачиваетъ; вторые надѣялись воспользоваться результатами волненія, въ которомъ сами, по трусливости, прикрытой скептицизмомъ, не въ состояніи были участвовать. Соціалистическія идеи не пугали никого, такъ какъ ихъ плохо понимали; отстаивать въ прошедшемъ было нечего; законъ былъ

для всѣхъ тождественъ съ произволомъ, а единственная прочная традиція русской интеллигенціи, ненависть къ самодержавію, могла быть удовлетворена хотя бы этимъ путемъ. Но трудности отыскать соціально-революціонный базисъ въ Россіи были иныя. Промышленность русская не выработала еще тѣхъ скопленій рабочихъ пролетаріевъ, которые въ Европѣ подготовили рабочую партію. Крестьянство давало въ огромномъ числѣ матеріалъ для городскихъ рабочихъ. Оно было совершенно отрѣзано отъ всякихъ государственныхъ интересовъ, отъ всѣхъ работъ новой человѣческой мысли. Оно было рѣзко отдѣлено, настолько же культурой, сколько интересами, отъ господствующихъ классовъ; со временъ прекращенія крѣпостныхъ отношеній въ немъ вырабатывался спеціальный типъ русской буржуазіи, деревенскій кулакъ, сохранившій, впрочемъ, традиціонную ненависть народа къ господствующимъ классамъ; но потому самому оно было мало доступно всякому революціонному побужденію, выходящему изъ интеллигенціи, которую оно и не могло отличить отъ своихъ прямыхъ эксплуататоровъ, а старая надежда на миѳическаго царя, объ немъ заботящагося, была какъ будто только что подтверждена отмѣной крѣпостныхъ отношеній, отмѣной, значеніе которой еще недостаточно поблѣднѣло въ десять лѣтъ постепеннаго разоренія крестьянства при послѣреформенныхъ порядкахъ.

При этихъ условіяхъ началась историческая роль революціонной доли русской интеллигенціи. Она унаслѣдовала отъ декабристовъ ненависть къ самодержавію и отъ нигилизма начала шестидесятыхъ годовъ — рѣшимость разорвать съ лицемѣрными фикціями чисто политическаго либерализма; она получила научную опору въ рабочемъ соціализмѣ Интернаціонала и находилась подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ революціоннаго геризма Парижской Коммуны. Она взяла на себя опасную и грозную обязанность сдѣлаться центромъ новаго революціоннаго движенія. Базисомъ этого движенія долженъ былъ быть русскій крестьянинъ, въ ненависти котораго къ господствующимъ сословіямъ ожидали найти элементъ классоваго противоположенія, подобнаго тому, которое на Западѣ служило реальною основою рабочему соціализму. Въ старинныхъ традиціяхъ земледѣльческой великорусской общины, въ солидарности міра и работы артелью соціалисты революціонеры видѣли уже готовые въ народѣ элементы соціалистической солидарности русскаго крестьянства. Они рѣшились сплотиться на основаніи строгой программы западно-европейскаго рабочаго революціоннаго соціализма, привлекая въ свои ряды съ одной стороны все искреннее и энергическое изъ унывающаго

либерализма, съ другой — возможно большую долю крестьянства, въ которую революціонерамъ предстояло внести пропаганду соціальныхъ идей, всенародной рабочей солидарности. На этой-то почвѣ, о степени подготовленности которой существовало болѣе догадокъ, чѣмъ точныхъ данныхъ, революціонная доля русской интеллигенціи надѣялась, при трусливомъ сочувствіи либерализма и при безсиліи правительства, создать ту соціально-политическую революціонную партію, которой было бы возможно заразъ осуществить переходъ отъ стараго экономическаго строя къ новому и разрушить ненавистное всей русской интеллигенціи русское самодержавіе.

Энергическая пропаганда въ интеллигенціи и въ народѣ составляла первую задачу, охватившую всѣ группы новаго движенія. Надо было организовать соціально-революціонную литературу. Надо было идти въ народъ, нести ему благую вѣсть соціалистическаго евангелія, пробуждать въ немъ революціонныя традиціи времени Разина и Пугачева. Въ этомъ всѣ были согласны. Но затѣмъ начинались разногласія, въ которыхъ отражался частію только что совершившійся въ Интернаціоналѣ расколъ, не имѣвшій собственно для Россіи никакого значенія, отражалось и то усложненіе русскихъ общественныхъ задачъ, которое было слѣдствіемъ отсталости политико-юридическихъ условій русской жизни, тогда какъ теперь дѣло шло уже о классовой борьбѣ. Въ то самое время, когда на первый планъ выдвигалась въ Россіи задача организаціи т а й н о й революціонной партіи, вліяніе бакунинскаго „анархизма“—имѣвшаго свое значеніе лишь при я в н о й централистической организаціи западнаго Интернаціонала — вносило въ организующуюся партію такія требованія „самостоятельности личности и мелкой группы“, которыя едва ли когда-либо уживутся съ заговоромъ противъ существующаго порядка. Такъ какъ единственнымъ возможнымъ центромъ для организаціи партіи могла быть революціонная интеллигенція, въ народѣ же отсутствовала привычка къ идеямъ, выработаннымъ въ этой интеллигенціи, ослабѣли революціонныя традиціи временъ Пугачевщины, былъ распространенъ въ значительной мѣрѣ фетишизмъ миѳическаго царя и, главное, не существовало связи между разными мѣстностями, связи, составлявшей основное условіе организаціи народной партіи, то казалось естественнымъ поставить для перваго зерна партіи задачею пріобрѣтеніе „знанія“ какъ оружія соціальной борьбы и „подготовленія революціи“ въ народѣ. Но сторонникамъ этого взгляда группы „анархистовъ“ противопоставляли утвержденіе, что революціонные инстинкты живы въ

народѣ, что „ничего не стоитъ поднять любую деревню“, что знаніе вовсе не нужно для вызова революціоннаго движенія въ народѣ, чуждомъ самыхъ элементарныхъ началъ современной европейской работы мысли. Въ 1873—74 г.г. за границею возникла цѣлая литература толстыхъ томовъ и брошюръ этихъ двухъ направленій, и ихъ борьба, естественно, не могла быть очень полезной для организаціи и для успѣха революціонной партіи; организаціи ея препятствовало и господство идей анархизма, которыя были признаны даже въ группахъ „подготовителей“ революціи. Тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности все это мало вліяло на революціонную дѣятельность въ Россіи. Съ 1871 года укрѣпились въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ связи между оппозиціоннымъ студенчествомъ и рабочими. Устная пропаганда между рабочими, вмѣстѣ съ популярными лекціями для нихъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ, и вмѣстѣ съ распространеніемъ по дешевой цѣнѣ книгъ, дозволенныхъ, но годныхъ для пропаганды, составляло главный предметъ дѣятельности Чайковцевъ въ началѣ 70-хъ годовъ. Съ 1873 года матеріалъ этой пропаганды черпался довольно безразлично изъ заграничныхъ изданій обоихъ направленій. Въ то же время съ лѣта 1873 года, и особенно въ 1874, сотни и тысячи молодежи обоего пола пошли „въ народъ“, неся въ него пропаганду соціалистическихъ идей, агитацію противъ правительства, основывая кузницы, сапожныя мастерскія, входя въ сношенія съ народомъ въ качествѣ фельдшеровъ, повивальныхъ бабокъ, сельскихъ учителей и учительницъ, волостныхъ писарей, но большею частью вступали просто рабочими на заводы и фабрики. Среди унылыхъ „лишнихъ людей“ предыдущаго поколѣнія, неспособныхъ ни энергически противиться окружающему ихъ злу, ни тѣмъ менѣе начертать себѣ практическій путь борьбы для побѣды надъ этимъ зломъ, являлось новое поколѣніе энергическихъ самоотверженныхъ личностей, отдающихъ свое состояніе, свои силы, свое молодое личное счастіе, свою жизнь идеѣ, которая требовала неисчислимыхъ жертвъ и обѣщала въ будущемъ для интеллигенціи одно—потерять всѣ свои привиллегіи, затерявшись въ массѣ рабочаго народа. Высокій нравственный элементъ этого движенія былъ такъ поразителенъ, что художникъ, создавшій Базарова, и недавно еще видѣвшій въ крайней русской оппозиціи долю того ѣдкаго „дыма“, который застилаетъ Россію отъ свѣта цивилизаціи, теперь, къ скандалу своихъ однолѣтокъ, выставилъ революціонеровъ, какъ единственный нравственный элементъ русскаго общества, хотя не захотѣлъ признать умственной силы, нераздѣльной отъ этого нравственнаго элемента.

Этотъ первый фазисъ былъ быстро пережитъ. Слабо подготовленные пропагандисты, обращаясь къ народу, вовсе неподготовленному ни къ новымъ соціалистическимъ теоріямъ, ни къ революціонному движенію противъ правительства, должны были имѣть мало успѣха. Многіе изъ тѣхъ, которые разсчитывали на готовность народа къ возстанію, встрѣчая неопреодолимыя препятствія, впадали въ уныніе и разочарованіе. Большинство пропагандистовъ, вообще при недостаточной осторожности, сдѣлалось жертвою полицейскихъ сыщиковъ. Тюрьмы по всей Россіи наполнились заключенными. Самыя энергическія личности были насильно оторваны отъ своей дѣятельности или принуждены обстоятельствами прекратить ее. Не произошло никакихъ крупныхъ бунтовъ. Организація партіи не подвинулась впередъ. Раздѣленіе взглядовъ не уменьшалось. Общей программы дѣйствія не существовало. Неудача была очевидна. У большинства дѣятелей обнаружился нѣкоторый упадокъ духа. Но и у тѣхъ, которые сохранили рѣшимость энергически продолжать дѣло, возникалъ неизбѣжно вопросъ: какъ измѣнить прежнюю дѣятельность, чтобы сдѣлать ее болѣе удачною? какъ организовать одну соціально-революціонную партію изъ разныхъ существующихъ ея фракцій? Въ неудачѣ стали преимущественно обвинять пропаганду идей, какъ орудіе безсильное и нецѣлесообразное. Возникла въ началѣ 1875 года за границей газета „Работникъ“, не придававшая этой пропагандѣ никакого значенія, но и она просуществовала лишь до весны 1876 года. Ея сторонники стали проповѣдниками революціоннаго воспитанія русскаго народа помощью бунтовъ, хотя бы неудачныхъ, и въ нихъ видѣли единственное правильное подготовленіе соціальной революціи. Группы пропагандистовъ, поддерживавшія „Впередъ“ рѣшились въ концѣ 1876 года (противъ мнѣній прежняго редактора) прекратить его періодическое изданіе и, подавъ этимъ самымъ сигналъ къ гибели своего направленія, чрезъ полъ года оказались принужденными прекратить всякую пропагандистскую дѣятельность, перешли къ политикѣ „выжиданія“, которая есть для всякой партіи синонимъ самоубійства, а въ бурные годы, которые пришлось переживать послѣ того Россіи, могла вызвать лишь нравственное возмущеніе во всякомъ искреннемъ дѣятелѣ. Нельзя было уже ожидать живого содѣйствія программѣ пропагандизма (помѣщенной въ послѣднемъ номерѣ періодическаго изданія „Впередъ“ при старой редакціи), заявлявшаго, что соціальная революція въ Россіи должна быть подготовлена тайной организаціей революціонныхъ силъ, дѣйствующихъ путемъ пропаганды и агитаціи, пока онѣ

не будутъ достаточно велики для производства обширнаго революціоннаго взрыва, но что соціальный переворотъ „можетъ быть совершенъ лишь рабочимъ пролетаріатомъ“ и что „великая революція, ставящая себѣ цѣлью осуществленіе началъ рабочаго соціализма, можетъ быть успѣшна лишь въ случаѣ, когда она будетъ народною революціей“. При упадкѣ духа, который обозначался всѣми этими явленіями, часть революціонной интеллигенціи стала отливать даже въ Герцеговину, воображая, что она тамъ можетъ служить соціальной революціи. Было время, когда представителямъ русской революціонной прессы за границей считался одинъ „Набатъ“, органъ „русскихъ якобинцевъ“, которые и въ Россіи составляли группы совершенно ничтожныя по числу и по вліянію, и въ мірѣ заграничной русской эмиграціи, по своему личному составу, не пользовались никакимъ нравственнымъ значеніемъ.

Въ 1877 г. процессъ участниковъ въ демонстраціи передъ Казанскимъ соборомъ въ январѣ, процессъ 50-ти въ февралѣ и процессъ 193-хъ концѣ года подняли духъ борцовъ за соціальную идею. Эти процессы доказали, что 4 года соціалистической проповѣди не прошли даромъ, что они выработали и въ революціонной интеллигенціи, и въ народныхъ элементахъ, къ ней примкнувшихъ, кадръ молодыхъ умовъ, не увлекающихся лишь аффектами, но сознательно усвоившихъ и начала соціализма, и свое отношеніе къ правительству и къ господствующимъ классамъ, — умовъ, сознательно идущихъ къ опредѣленной цѣли. Но эти процессы въ особенности усилили раздраженіе противъ правительства и стали все болѣе укоренять въ большинствѣ дѣятелей мысль, что самодержавное императорство составляетъ того врага всякому улучшенію положенія русскаго народа, отъ котораго надо отдѣлаться не одновременно со взрывомъ соціальной революціи противъ класса обладателей капитала, но прежде всего. Судъ, послѣдовавшій за демонстраціей у Казанскаго собора и жестокій приговоръ, за нимъ послѣдовавшій, были нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ юридическихъ требованій. Возмутительныя сцены на судѣ 193-хъ превзошли все, что можно было ожидать, и судьи должны были не только выслушать со стороны подсудимыхъ выраженія „презрѣнія“ и сравненія суда съ „домомъ терпимости“, но должны были сознаться, что общественное мнѣніе было на сторонѣ подсудимыхъ, особенно вслѣдствіе кулачной расправы на судѣ 15-го ноября. Неожиданно мягкій приговоръ для 36-ти обвиняемыхъ изъ 193-хъ подсудимыхъ и нѣсколькихъ тысячъ промученныхъ (отчасти и замученныхъ) въ тюрьмахъ съ 1874 года

показалъ, насколько судьи были неувѣрены въ своемъ положеніи относительно революціоннаго движенія. Съ другой стороны энергія осужденныхъ проявилась въ „завѣщаніи“ 24-хъ изъ нихъ, которое они написали въ маѣ 1877 года въ Петропавловской крѣпости и которое было вслѣдъ за тѣмъ обнародовано въ „Общинѣ“. Раздраженіе въ обществѣ было усилено еще глухими слухами, которые ходили въ Петербургѣ и частью проникли въ газеты, о возмутительномъ наказаніи, которому былъ подвергнутъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія по приказанію Трепова одинъ изъ осужденныхъ по дѣлу демонстраціи у Казанскаго собора. Это вызвало бунтъ между заключенными, безчеловѣчную кулачную расправу съ ними, а затѣмъ вызовъ къ мести со стороны всѣхъ органовъ русской заграничной прессы, не только группы (уже прекращеннаго) „Работника“, но въ послѣднемъ изданіи пропагандистовъ „Впередъ“ и даже въ заграничномъ оппозиціонномъ органѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ соціально-революціонной партіей. Это общественное раздраженіе и это воззваніе не прошли даромъ, и на другой день послѣ того, какъ сравнительно-мягкая резолюція суда надъ 193-мя была представлена императору (который значительно усилилъ жестокость приговора), выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ Трепова обозначилъ начало новаго періода въ развитіи соціально-революціонной партіи въ Россіи.

Я сказалъ выше, что задачи соціальной борьбы труда съ капиталомъ застали Россію еще въ томъ положеніи, которое давно прошло для Западной Европы, именно тогда, когда задача перехода легальнаго политическаго вліянія въ руки экономически господствующихъ классовъ была еще не рѣшена; что соціально-революціонная партія унаслѣдовала отъ первыхъ русскихъ политическихъ революціонеровъ, декабристовъ, обязательство борьбы съ самодержавіемъ; но что пропагандисты и бунтари до 1878 г. имѣли въ виду рѣшить эти двѣ задачи одновременно, т. е. подготовить или вызвать путемъ заговора передовой интеллигенціи народное соціальное возстаніе крестьянства, — какъ класса, по предположенію, и наиболѣе доступнаго соціалистической пропагандѣ, и единственно сохранившаго нѣчто въ родѣ организаціи— возстаніе, которое должно было одновременно снести и самодержавіе императора и экономическое господство высшихъ классовъ. Въ пять лѣтъ опыта оказалось, что пропаганда могла захватить лишь отдѣльныя единицы изъ народа; что она положила лишь весьма незначительное основаніе соціально-революціонной организаціи городскихъ рабочихъ въ южныхъ промышленныхъ го-

родахъ, а затѣмъ въ Петербургѣ; что въ крестьянствѣ не удалось ни создать революціонной организаціи, ни вызвать болѣе крупнаго бунта, чѣмъ тѣ, которые издавна происходили отъ времени до времени въ разныхъ мѣстахъ имперіи; что, наконецъ, административная организація имперіи является болѣе значительною, чѣмъ предполагалось, помѣхой и пропагандѣ соціальныхъ идей и организаціи народныхъ силъ. Поэтому элементъ борьбы съ правительствомъ — прямое наслѣдіе декабристовъ и единственная задача русскихъ якобинцевъ — съ этой минуты все болѣе выступаетъ на первый планъ, все болѣе привлекаетъ къ себѣ самыхъ энергическихъ личностей, и революціонная партія, при своей дальнѣйшей организаціи и дѣятельности, все болѣе склоняется къ новой постановкѣ революціонной задачи для Россіи: с н е р в а раздѣлаться съ самодержавіемъ, а з а т ѣ м ъ осуществить соціальный переворотъ въ той формѣ, въ которой захочетъ его осуществить народъ. Для этой постановки революціоннаго вопроса,—постановки, отступающей отъ установившейся практики соціалистовъ на западѣ Европы—подыскиваются и соціологическіе аргументы: отрицаютъ возможность развитія капитализма въ Россіи при существующихъ условіяхъ производства; считаютъ для нея возможнымъ видоизмѣненія процесса смѣны экономическихъ фазисовъ, установленныхъ Марксомъ; склоняются даже къ защитѣ соціологической точки зрѣнія Дюринга о преобладающемъ вліяніи политико-юридическаго элемента общественнаго строя на экономическій. Политическое значеніе партіи растетъ и потому, что въ ней политическая задача измѣненія формы власти выдвигается все болѣе на первый планъ; она растетъ и потому, что впервые со времени декабристовъ либералы видятъ примѣръ энергіи, настолько чарующей, что она вызываетъ петербургское жюри, состоящее изъ чиновниковъ и торговцевъ, на оправдательный приговоръ Вѣрѣ Засуличъ, приговоръ, который есть въ сущности пощечина самодержавію и его органамъ и который встрѣченъ явнымъ сочувствіемъ съ одного конца Россіи до другого; это значеніе растетъ и потому, что императорство признаетъ оффиціально революціонную партію сильнымъ политическимъ врагомъ: оно усиливаетъ для борьбы съ нею формы административной диктатуры и полицейскаго надзора до сатрапій новыхъ генералъ-губернаторовъ, до опричины урядничества и до нелѣпой отдачи населенія столицъ подъ опеку полиціи и дворниковъ; оно дѣлаетъ все болѣе жестокими и фиктивныя формы судопроизводства надъ политическими преступниками; оно умножаетъ административную ссылку въ Сибирь до крайнихъ предѣловъ; оно

даже обращается къ дворянству и земству съ просьбой о помощи. Фатальныя условія всякой ожесточенной политической борьбы проявляютъ и здѣсь свое неизбѣжное дѣйствіе. Терроръ красный отвѣчаетъ террору бѣлому. Аресты обращаются въ осады и битвы. На разстрѣляніе Ковальскаго отвѣчаетъ смерть Мезенцева. Умножаются висѣлицы. Умножаются и дѣйствія террористовъ. Начинается рядъ попытокъ противъ Александра II. Рядъ подпольныхъ изданій, появляющихся въ Россіи, наглядно характеризуетъ измѣненіе перспективы въ революціонныхъ вопросахъ. Въ № 1 „Начала“ (мартъ 1878 г.) на первое мѣсто еще поставлена „безустанная постоянная соціалистическая пропаганда“ въ народѣ, обязанность для революціонера „слиться съ народной массой“ и „единственнымъ выходомъ“ объявлена „соціальная революція“. Въ № 1 „Земля и Воля“ (ноябрь 1878 г.) задача опредѣляется какъ „народная революція“, при чемъ на первомъ планѣ стоитъ „аграрный вопросъ“, и утверждается, что „главная масса“ революціонныхъ силъ „должна работать въ средѣ народа“, но подчеркивается необходимость организаціи „террористовъ“, какъ охранительнаго отряда партіи для „безпощадной борьбы“ противъ вредныхъ личностей. Въ № 3 того же журнала (январь 1879 г.) прямо уже заявляется, что „главныя усилія должны быть направлены на устраненіе развращающаго вліянія современнаго государства“; что „центръ тяжести“ революціонной дѣятельности переносится изъ сферы пропаганды лучшихъ идеаловъ общественности на созданіе боевой народно-революціонной организаціи, для осуществленія народно-революціоннаго переворота въ возможно близкомъ будущемъ.

Само собою разумѣется, что при этомъ старые вопросы, раздѣлявшіе группы соціалистовъ-революціонеровъ въ 1873 году, совершенно потеряли значеніе. Анархизмъ, который былъ рѣшительно господствующимъ ученіемъ въ 1874 году, не только потерялъ почву въ Россіи вслѣдствіе необходимыхъ условій тайной организаціи, но смѣнился рѣшительнымъ теченіемъ въ пользу централизма, которому лишь слабо противодѣйствовали федералистическія тенденціи. Группа, которая ихъ ставила на первое мѣсто (заграничная группа южно-русской „Громады“), игнорируя различіе юридическихъ условій разныхъ наличныхъ государствъ, объявила себя партіей не русской, но распространяющейся на всѣ страны, гдѣ говорятъ украинскимъ нарѣчіемъ: вслѣдствіе этого, конечно, потеряла всякую возможность создать какую-либо фактическую соціально-революціонную программу, и тѣмъ самымъ вы-

шла изъ русскаго движенія, къ которому приняла положеніе денегрирующаго критика, пытающагося парализовать организацію партіи и внести раздоръ въ ея элементы. Полемика противъ пріобрѣтенія знаній потеряла смыслъ, когда Ширяевы и Кибальчичи сдѣлались необходимыми элементами крупныхъ террористическихъ предпріятій, когда для практической программы русскихъ революціонеровъ сталъ весьма насущнымъ вопросъ о томъ, насколько безусловно необходимъ для всѣхъ странъ процессъ экономической эволюціи, указанный Марксомъ, по которому полное господство капиталистическаго строя составляетъ неизбѣжный предшествующій фазисъ соціалистическому строю общества, и насколько особенныя условія русскаго общества позволяютъ надѣяться на видоизмѣненія этого процесса. Вопросы о федерализмѣ и централизмѣ, о личномъ вооруженіи знаніями или о немедленной революціонной дѣятельности оказались тѣмъ, чѣмъ они дѣйствительно всегда были для общей задачи соціальной революціи, вопросами весьма важными, но второстепенными передъ наличной задачей, организовать сильную партію и низвергнуть существующій порядокъ, вопросами, рѣшеніе которыхъ на практикѣ гораздо менѣе зависитъ отъ теоретическихъ аргументовъ, чѣмъ отъ случайностей группировки большинства интеллигентныхъ и энергическихъ личностей въ одномъ центрѣ или распредѣленія этого большинства въ разныхъ мѣстностяхъ, отъ случайностей личной жизни революціонера около источника знаній или далеко отъ нихъ. Расколъ произошелъ на другой почвѣ. Возникъ практическій вопросъ: для „созданія боевой соціально-революціонной организаціи“ и для „осуществленія народно-революціоннаго переворота въ возможно близкомъ будущемъ“ нужно ли организовать народныя оппозиціонныя силы на тѣхъ началахъ, которыя уже существуютъ въ народѣ, или надо преимущественно направить удары на правительство и поспѣшить образованіемъ въ Россіи юридическихъ условій, которыя затѣмъ позволили бы съ меньшими препятствіями организовать народныя силы? Люди, тверже державшіеся соціально-революціонныхъ традицій 1873—1878 годовъ, склонились къ первому способу дѣйствія. Люди, болѣе проникнутые сомнѣніемъ въ возможности организовать народныя силы при существующихъ полицейско-юридическихъ условіяхъ, нашли необходимымъ „перенести центръ тяжести революціонной дѣятельности“ и выбрали второй. На съѣздахъ 1879 года произошло раздѣленіе Народовольцевъ и Чернопередѣльцевъ. Еще ранѣе возникшій Исполнительный Комитетъ сдѣлался главою крѣпкой централизованной организаціи партіи Народной

Воли *) съ опредѣленной цѣлью подготовить возстаніе помощью „тайнаго общества“, имѣющаго „боевой характеръ“, крѣпко связывающаго „центральную организацію“ со „спеціальными и мѣстными“, имѣющаго въ виду „заручиться положеніемъ въ администраціи и войскѣ, сходиться съ мѣстными либералами и конституціоналистами“ и вести „усиленную пропаганду“ среди городскихъ рабочихъ, какъ въ сферѣ „соціалистическихъ идей“, такъ и „политическаго переворота и созда ніядемократическаго правительства, какъ перваго шага къ осуществленію народныхъ требованій“. Органъ партіи „Народной Воли“ (появившейся въ октябрѣ 1879 г.) поставилъ ближайшею цѣлью революціоннаго движенія созывъ учредительнаго собранія, въ которомъ народные элементы должны преобладать настолько же, насколько они численно преобладаютъ въ самомъ составѣ населенія русскаго государства, и выразилъ надежду, что энергическая подготовительная дѣятельность партіи можетъ доставить въ этомъ учредительномъ собраніи торжество ея принципамъ. Но въ разосланной по всѣмъ группамъ организаціи запискѣ о „подготовительной работѣ партіи“ Исполнительный Комитетъ выставлялъ, какъ невѣроятный, исходъ и „широкія уступки народу“ со стороны правительства, и даже „настолько свободную конституцію, что для партіи будетъ выгодно отсрочить возстаніе“, и потому ставилъ прямою задачею партіи „подготовиться именно къ возстанію, съ цѣлью совершенія политическаго переворота, который бы далъ возможность партіи немедленно совершить и переворотъ экономическій“.

Съ этихъ поръ мало-по-малу исторія революціоннаго движенія въ Россіи почти сливается съ исторіею партіи Народной Воли. Уже въ теченіе перваго полугода своего существованія она привлекла къ себѣ довольно значительныя силы и крѣпко сорганизовала ихъ около Исполнительнаго Комитета. Ему принадлежала, главнымъ образомъ, роль направляющая и регулирующая. Въ отношеніи боевомъ ему были безусловно подчинены группы спеціальныя (назначенныя для дѣйствія среди войска, среди студенчества, среди рабочихъ и т. п.) и мѣстныя, распространяющія раіонъ своей дѣятельности то на одну губернію, то на нѣсколько, смотря по удобству дѣйствія; но въ сферѣ своей организаціонной дѣятельности эти группы пользовались всей необходимой самостоятельностью. Въ 1880 году подъ руководствомъ

*) Послѣдующія свѣдѣнія объ организаціи и дѣятельности партіи Народной Воли опираются на матеріалъ еще не обнародованный, но доставленный автору компетентнымъ лицомъ.

Исполнительнаго Комитета дѣйствовало не менѣе 12 мѣстныхъ группъ и нѣсколько спеціальныхъ.

Общая численность лицъ, входившихъ въ эти группы и, слѣдовательно, непосредственно и тѣсно связанныхъ съ Исполнительнымъ Комитетомъ, составляла въ 1881 году свыше 500 человѣкъ, при чемъ эти непосредственно входившія въ организацію группы, были окружены нѣсколькими тысячами лицъ, которыя принадлежали къ партіи или находились подъ ея сильнымъ вліяніемъ, но по той или другой причинѣ не вошли формально въ ея организацію. „Усиленная пропаганда“ среди работъ партіи, не только не была оставлена въ сторонѣ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выходила даже за предѣлы городскихъ группъ рабочихъ. Въ большей части мелкихъ группъ дѣятельность среди рабочихъ поглощала большую часть силъ. Первая рабочая группа Народовольческой партіи образовалась (въ Петербургѣ) въ концѣ 1879 г., а въ 1880 увеличилось уже въ четыре раза, посвящая себя дѣлу рабочей организаціи; около нея, какъ члена тайной организаціи партіи, группировались многія сотни рабочихъ. Съ 15-го декабря 1880 г. сталъ появляться ея органъ — „Рабочая Газета“ (подъ редакціей Желябова, Валентина Коковскаго и др.). Подобныя же рабочія группы въ разныхъ городахъ (особенно южныхъ) входили въ тѣсную организацію партіи и распространяли свое вліяніе на рабочее населеніе. Двѣ мѣстныя группы нашли возможнымъ вести энергическую агитацію на почвѣ аграрнаго вопроса и среди крестьянскаго населенія.

Рядомъ съ этой организаціонной работой и съ подготовленіемъ возстанія, съ сентября 1879 г. по февраль 1880 г., продолжался энергическій походъ Исполнительнаго Комитета противъ Александра II и, хотя случайности каждый разъ спасали жизнь императора, но самодержавіе оказывалось неспособнымъ оградить себя отъ опасностей и его престижъ былъ подорванъ каждый разъ все болѣе и болѣе. Изъ процессовъ народъ русскій узналъ, что противъ царя—фетиша поднимали руку не только „бары“, но и люди изъ его рядовъ, крестьяне и мѣщане. Въ годъ, протекшій отъ февраля 1880 года до марта 1881 года, послѣдовало затишье, подобное нынѣшнему, но императорская власть настолько сознавала свое опасное положеніе и свое безсиліе въ борьбѣ съ революціонерами реакціонными средствами, что обратилась къ либеральнымъ полумѣрамъ графа Лорисъ-Меликова, и уже готова была еще разъ обмануть общество фикціею созыва представителей земствъ. Но въ это самое время Исполнительный Комитетъ доказалъ, что онъ умѣетъ выжидать условія для ис-

полненія своихъ приговоровъ. Взрывъ бомбы Гриневецкаго на берегу Екатерининскаго канала положилъ перваго марта 1881 г. конецъ царствованію Александра II, а десятки тысячъ экземпляровъ „Письма къ Александру III“ разносили по Россіи минимальную политическую программу партіи Народной Воли, программу, которою въ этой партіи указывался тотъ организованный центръ, около котораго могли сгруппироваться всѣ оппозиціонныя русскія силы. Изъ нѣсколькихъ исходовъ, указанныхъ, какъ возможные, въ запискѣ о „подготовительной работѣ партіи“, Исполнительный Комитетъ предлагалъ русскому правительству и русскому обществу наиболѣе мирный. Прекращеніе краснаго террора было связано въ письмѣ къ Александру III съ требованіемъ полной амнистіи (т. е. съ прекращеніемъ бѣлаго террора) и съ созывомъ Учредительнаго Собранія при условіяхъ, обезпечивающихъ свободу выборовъ и вступленіе въ это собраніе достаточнаго количества народныхъ элементовъ.

Группа „Чернаго Передѣла“ и прочіе русскіе соціалисты-революціонеры были поставлены при этой энергической борьбѣ партіи Народной Воли съ правительствомъ въ весьма затруднительное положеніе. Они не могли, во имя своихъ соціалистическихъ убѣжденій, согласиться ни съ тѣмъ, что „сфера пропаганды лучшихъ идеаловъ общественности“ можетъ быть отодвинута на второй планъ въ пользу какой бы то ни было политической задачи, ни съ тѣмъ, чтобы созывъ учредительнаго собранія при продолжающемся господствѣ капитала могъ въ какой-либо мѣрѣ войти въ программу соціально-революціонной партіи. Но многіе представители группы Чернаго Передѣла и редакторы ея органа („Черный Передѣлъ“ съ 1880 г.) еще лучше понимали, что было бы прямою измѣною дѣлу русскаго соціализма со стороны *русскихъ* соціалистовъ, вносить дезорганизацію въ партію, дѣйствующую при столь трудныхъ условіяхъ противъ столь сильнаго врага, какъ партія „Народной Воли“ дѣйствовала противъ Русскаго Императорства. Они предоставили эту печальную роль *иностраннымъ* группамъ украинской „Громады“ и антисоціалистическому органу „Вольное Слово“, относительно нынѣшняго редактора которыхъ Исполнительный Комитетъ прежде увлекался мнѣніемъ, едва ли когда-либо заслуженнымъ этимъ почтеннымъ изслѣдователемъ украинскихъ традицій. Критика чернопередѣльцевъ и утвержденіе ими своей программы, какъ противоположной во многихъ отношеніяхъ программѣ „Народной Волѣ“, была неизбѣжно слаба, тѣмъ болѣе, что подъ знаменемъ „Чернаго Передѣла“ группировались личности и кружки, практическія программы которыхъ

расходились по многимъ пунктамъ, сходясь лишь въ оппозиціи централизаціонной организаціи и политическому террору, входящихъ, какъ средства, въ программу Народной Воли. Организація группы „Чернаго Передѣла“ была далеко не такъ совершенна, какъ организація партіи „Народной Воли“.

Юридическо-полицейскія условія мѣшали организаціи народныхъ силъ еще болѣе, чѣмъ соціалистической пропагандѣ, и потому парализовали дѣятельность Чернопередѣльцевъ въ народѣ. Всѣ лучшіе элементы Чернаго Передѣла чувствовали и неловкость своего положенія и ростъ симпатіи дѣятельныхъ кружковъ общества къ Народовольцамъ, да и сами невольно сочувствовали героизму своихъ прежнихъ товарищей. Подъ знамя Исполнительнаго Комитета становились почти всѣ наиболѣе энергическія группы русской молодежи. Одинъ за однимъ переходили въ этотъ лагерь лучшіе элементы и Чернаго Передѣла. Еще незавиднѣе было положеніе соціалистовъ, стоявшихъ внѣ группъ послѣдней формаціи, положеніе старыхъ пропагандистовъ, анархистовъ и т. п. Всѣ группы или личности, которыя оставались вѣрными болѣе непосредственно-соціалистической программѣ дѣйствія, чувствовали себя уединенными, безсильными. Историческое движеніе передовой русской оппозиціи еще разъ отдалилось отъ задачъ чисто соціалистическихъ, чтобы приблизиться къ нерѣшеннымъ еще для Россіи задачамъ политическимъ, и никакая соціалистическая программа, отодвигавшая политическій вопросъ на второй планъ, не могла уже въ 1881 г. сдѣлаться центральною программою революціоннаго движенія.

При затишьѣ, которое послѣдовало за катастрофою 1-го марта 1881 года, естественный ходъ вещей повелъ дѣло еще къ большему сближенію направленій. Русское императорство при Александрѣ III, въ лицѣ императора и его ближайшихъ сановниковъ сдѣлалось посмѣшищемъ міра. Исполнительный Комитетъ выжидалъ коронаціоннаго манифеста, чтобы опредѣлить свою программу дѣйствія относительно новаго правительства, такъ какъ Игнатьевы, Побѣдоносцевы и другіе политическіе шуты, выдвинутые во главу правленія Россіей волнами хаоса въ головѣ императора и его друзей, едва ли могли считаться прочнымъ правительствомъ. Одно время казалось, что унылые либералы Россійской Имперіи какъ будто тоже зашевелились, чтобы достать себѣ „правовой порядокъ“. Такъ какъ, такимъ образомъ, вопросъ о борьбѣ съ самодержавіемъ, казалось, приближается къ своему рѣшенію, то группы и личности болѣе строго-соціалистическихъ тенденцій стали равнодушнѣе смотрѣть

на тотъ фактъ, что партія Народной Воли (не отрѣшавшаяся, впрочемъ, никогда отъ соціалистической программы) поставила эту борьбу на первый планъ. Одни, строго вѣруя въ догматы Маркса (можетъ быть, — слишкомъ буквально понятые), считали, что все равно надо Россіи пережить капиталистическій строй, и потому видѣли въ будущемъ Учредительное Собраніе — которое, по ихъ мнѣнію, могло быть только выраженіемъ экономическаго господства капитала — органъ этого неизбѣжнаго фазиса, тѣмъ самымъ приближающаго и періодъ господства соціализма. Другіе, какъ ни расходились въ постановкѣ практическихъ вопросовъ съ террористами и народовольцами вообще, не признавали, что вслѣдствіе теченія историческихъ событій въ Россіи въ настоящее время ни одна оппозиціонная группа кромѣ Народовольцевъ не могла сдѣлаться базисомъ дѣйствія, которая, оставаясь насколько возможно близко къ требованіямъ соціализма, осуществила бы и старинную задачу русской оппозиціонной мысли, разрушеніе императорскаго самодержавія. Третьи просто ожидали, что не сегодня—завтра дожно рухнуть русское самодержавіе, потерявшее всякій престижъ и опиравшееся на лицъ, лишенныхъ всякихъ государственныхъ способностей. Большинство должно было признать, что Исполнительный Комитетъ своей энергическою дѣятельностью въ невѣроятно короткое время довелъ дѣло расшатыванія русскаго императорства весьма далеко, находило, что и организація народныхъ силъ и пропаганда соціалистическихъ идей невозможна при современныхъ полицейскихъ условіяхъ и что остается или присоединиться къ Комитету, или ограничиться совершенно ничтожной индивидуальной дѣятельностью, или остаться при безнравственной теоріи выжиданія въ эпоху самаго живого общественнаго волненія. Въ то же время Исполнительный Комитетъ имѣлъ досугъ признать, что его дѣятельность получитъ значительную опору, если она будетъ поддержана въ своихъ политическихъ стремленіяхъ — которыя фатально сближали его съ политическими радикалами буржуазіи — чисто соціалистической литературой, которая могла бы быть признана разработкой программы русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, независимо отъ ихъ разногласія, приступившихъ въ настоящую минуту къ политической программѣ партіи Народной Воли. Вслѣдствіе этого въ 1882 году въ рядахъ партіи Народной Воли оказалось и большинство наиболѣе вліятельныхъ Чернопередѣльцевъ, а частью и тѣхъ пропагандистовъ, которые или находили неудобнымъ присоединиться къ фракціямъ, не имѣвшимъ возможности сдѣлаться центромъ большой партіи, или не имѣли близкихъ от-

ношеній къ дѣйствующимъ въ Россіи группамъ, но смотрѣли съ отвращеніемъ на системы „выжиданія“.

Въ сторонѣ остались лишь хранители традицій анархизма. Ближайшее будущее покажетъ, будетъ ли это поглощеніе фракцій одной партіей прочно, удастся ли Исполнительному Комитету выполнить роль организатора всѣхъ русскихъ оппозиціонныхъ, въ особенности же соціалистическихъ, силъ, къ нему примкнувшихъ, съ тѣмъ тактомъ, который необходимъ въ подобномъ дѣлѣ. Было бы очень печально, если бы ошибки и увлеченія явились и здѣсь неодолимыми препятствіями со всѣхъ сторонъ, и можно назвать преступленіемъ для русскаго революціоннаго дѣла, если старое анархическое стремленіе къ личной и групповой самостоятельности, даже во вредъ общему дѣлу, въ минуту энергической борьбы съ общимъ врагомъ, не позволитъ и этотъ разъ организоваться въ Россіи сильному центру оппозиціи противъ существующаго строя, политическаго и экономическаго, центру, около котораго могли бы группироваться, какъ товарищи, какъ близкіе союзники, какъ временные пособники; или хотя бы какъ непротиводѣйствующія группы, всѣ оттѣнки оппозиціи противъ императорскаго и полицейскаго произвола.

Но каково ни будетъ ближайшее теченіе событій, русскій революціонный соціализмъ совершилъ и совершаетъ дѣло, которое оставитъ неизгладимый слѣдъ въ русской исторіи.

Поставленный обстоятельствами одновременно передъ двумя задачами, которыя Западной Европѣ пришлось разрѣшить послѣдовательно, онъ сдѣлалъ болѣе чѣмъ можно было ожидать. Онъ принялся сначала приспособлять выработанную Западомъ тактику соціализма къ условіямъ русскаго распредѣленія рабочихъ силъ. Встрѣтивъ на этомъ пути значительныя препятствія, онъ не отчаялся, не измѣнилъ программѣ, не отрекся отъ соціалистическихъ принциповъ и не положилъ оружія въ унынін. Можно спорить о томъ, былъ ли путь, избранный имъ тогда, лучшимъ, но приходится и противникамъ его сознаться, что онъ пытался трезво смотрѣть на условія борьбы и что онъ пошелъ по своему пути съ энергіей, которой мало параллелей въ исторіи. Онъ потерпѣлъ страшныя потери. Онъ въ своей средѣ испыталъ много распаденій. Изъ его рядовъ вышли многіе въ безсиліи, въ недоумѣніи, въ отчаяніи. Но удары не сломили его. И вотъ въ данную минуту, послѣ десяти лѣтъ борьбы, онъ стоитъ передъ разшатаннымъ самодержавіемъ, которое не пало еще лишь благодаря неумѣлости организоваться и трусости русскихъ либераловъ. Завѣщаніе декабристовъ исполнено настолько, насколько могла его

исполнить небольшая группа энергической и самоотверженной интеллигенціи среди деморализованнаго общества и среди народа, потерявшаго традиціи политической жизни. Создать базисъ для обширной политической партіи съ опредѣленной программой, которую не могли дать никакія иныя фракціи оппозиціи. И при этомъ русскіе революціонеры не поступились ни одной задачей научнаго соціализма: торжество народа они все таки ожидаютъ лишь отъ народной инціативы, отъ проникновенія принциповъ коллективнаго труда и коллективной собственности въ рабочія массы, которыя одни могутъ совершить соціальную революцію въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ.

1 (13) января 1883 г.

